

женное им в формуле «нельзя говорить что угодно и когда угодно», устранить предзаданность, нормализованность речи. Именно понятие *parèsia*, по Фуко, должно снять это противоречие: «Глубинную сущность *parèsia* составляет тождественность субъекта высказывания и субъекта поведения. *Parèsia* — умение говорить искренне — является основной формой речи руководителя... Это такая речь, которая со стороны говорящего равноценна обязательству и представляет собой определенное соглашение между субъектом высказывания и субъектом поведения, субъект берет на себя обязательство в тот самый момент, когда он говорит, что будет делать то, что он говорит, и станет субъектом такого поведения, которое постепенно объединит его с истиной, им формируемой»¹. Пожалуй, эти слова не только выражают пафос заключительного этапа, но и могли бы служить итогом всего творчества философа.

Работы Фуко во многом предопределили направление развития философских, политологических, исторических концепций не только во Франции, но и в других странах. Во Франции, например, идеи М. Фуко о «микрофизике власти» взяты на вооружение так называемыми «новыми философами» — В.-А. Леви, А. Глюксманом, Ж.-М. Бенуа и др.

О неослабевающем интересе к наследию М. Фуко в других странах свидетельствуют многочисленные издания его работ на различных языках, проведение научных конференций, посвященных творчеству философа. Сам же Фуко, возможно, в целях оградить себя от упреков со стороны критики, не причисляет себя к философам: «Мне бы не хотелось, — говорит он в книге «После философии: конец или трансформация», — чтобы все, что я мог сказать или написать, рассматривалось как содержащее призывы к всеобщности. Я не пытаюсь универсализировать все, что я говорю: напротив, все, чего я не сказал, не должно вследствие этой недосказанности причисляться к чему-то второстепенному. То, что я говорю, должно быть воспринято как «предложения», «открытие игр», в которых все заинтересованные лица могут принять участие; оно не представляет собой догматические утверждения, которые должны быть либо отвергнуты, либо приняты. Мои книги — это не философские трактаты или исторические штудии: в большинстве случаев это фрагменты философии, предназначенные для работы в историческом поле проблем»².

К сожалению, в отечественной философской литературе творчеству М. Фуко уделяется пока еще мало внимания. Хотелось надеяться, что в недалеком будущем его работы займут у нас достойное место в соответствии с актуальностью и общезначимостью затронутой в них проблематики.

¹ М а м а р д а ш в и л и М. К., С о л о вьев в Э. Ю., Ш в ы р е в В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире, М., 1972. С. 32.

² К л и м е н к о в а Т. А. // Концепция человека в современной западной философии. М., 1988. С. 60.

³ Ф у к о М. Социо-логос. М., 1991. С. 287.

⁴ Там же. С. 294, 296, 301.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ After philosophy: end or transformation. London, 1987. P. 98.

И. В. СИДОРСКАЯ

ТИПЫ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Происходящее в XX в. смещение культуры в эпицентр человеческого бытия объясняет и «культурологический крен» в современной философии¹. Понятие «культура» слишком многозначно, чтобы его можно было применять без дополнительных уточнений. Способность культуры сохраняться и транслироваться специальными институтами и механизмами общения (устная и письменная речь, система различных культурных учреждений, образовательные институты, естественные и технические средства массовой информации) лежит в основе коммуникативного подхода к ее анализу. Такой подход особенно плодотворен при исследовании проблем, связанных с информационным взаимодействием в обществе, а его актуальность опосредуется происходящим сегодня в социуме процессом информационной революции².

В отечественной литературе коммуникация традиционно определяется как общение, т. е. процесс социального взаимодействия в его знаковом аспекте³. Однако в последнее время появился ряд исследований, в которых коммуникация

рассматривается в качестве особой технологии кодирования, трансляции и воспроизводства информации⁴. Именно такого взгляда на коммуникацию придерживаемся мы.

Исторический анализ типов коммуникации допускает деление их на три крупных блока: коммуникацию посредством устной речи, коммуникацию через текст (письменный или печатный) и коммуникацию, использующую мощные современные технические средства — СМК и СМИ с телевидением, кинематографом и компьютером в качестве ядра. Каждому типу коммуникации соответствует (по этому критерию) некоторый тип культуры, обладающий рядом специфических особенностей: это культура личного общения; текстовая или книжная культура и аудиовизуальная или экранная культура.

Традиция личной коммуникации являлась господствующей на протяжении длительного исторического периода: она появилась с выделением человека из животного мира, образованием первых человеческих сообществ и сохраняла свой статус вплоть до появления и широкого распространения письменности. В философии культура непосредственного общения выражала собой кредо античных мыслителей: вспомним их приверженность живому диалогу как оптимальной форме обучения и воспитания. В «Федре» Платона Сократ рассказывает историю о египетском боге Тоте, который пришел к царю богов Тамузу со словами: «Господин мой, я изобрел остроумную вещь, называемую письменностью, она усовершенствует как мудрость, так и память египтян». В ответ Тамуз заявил, что, напротив, письменность — это низкопробная замена памяти и понимания. «Тот, кто обретет ее, перестанет тренировать память и станет забывчивым, он будет полагаться на письменность, надеясь, что эти значки напомнят ему что-то, вместо того, чтобы рассчитывать на свои внутренние резервы⁵». Этот принцип античные мыслители заложили в основу своих отношений с учениками: традиция философских бесед во время прогулок по окрестностям полиса должна была убедить учеников, что мудрость заключена не в письменности — это лишь видимость, мудрость заключается в самом человеке. Именно поэтому просто не существует произведений Фалеса, Сократа, Демокрита, Анаксагора: идеи этих философов сохранились только благодаря тому, что через несколько веков кто-то письменно зафиксировал их. Система культуры с устной речью как главным коммуникативным средством была возможна лишь в небольших сообществах, в ограниченном пространстве, при непосредственных личных контактах в процессе трудовой и иной жизнедеятельности.

Коммуникация через текст восходит к средневековью, когда в Европе формируется особая ценностная парадигма, определяющая собой ключевые характеристики новой культуры — это парадигма литературоцентристского, книжного понимания культуры. Она означает, что книга начинает рассматриваться как основная ценность в культурной иерархии, как образец, точка отсчета, при помощи которой оцениваются любые другие культурные феномены. Исполненная сакрального смысла книга требует интерпретации и истолкования уже написанного, уже отчужденного от автора и зафиксированного как литературный памятник. В основу средневековой культуры закладываются идеи работы с текстами, процедуры их анализа и интерпретации.

Коммуникация через текст и соответствующая ей книжная культура характеризуются рядом специфических особенностей, среди которых необходимо прежде всего выделить наличие достаточного количества степеней свободы и детерминацию посредством языка.

Наличие достаточного количества степеней свободы означает, что человек, читая тот или иной текст, получает не зеркальную копию мыслей и чувств автора. Текст при чтении отчуждается от автора и получает собственное бытие: человек читает текст и на его основе формирует собственное видение реальности. Благодаря процедуре интерпретации и вследствие наличия у людей различных структур «означивания» реальности, текст, разрастаясь, обогащается огромным количеством новых смыслов. Чем сложнее текст, тем более он ориентирован на индивидуальное самовыражение, в то время как элементарный текст ориентирован по преимуществу на передачу информации. Военский приказ (а часто и не только военский) предназначен для одной-единственной интерпретации, это коммуникация по типу «сверху вниз» — для безусловного подчинения. Такой текст монофункционален. Чем сложнее текст, тем более он открыт для творчества, тем более разнообразно (свободно) его использование. Это означает, что при знакомстве с текстом его можно понять «не так» (не тождественно автору, вольно, свободно, метафорично — сообразно собственным представлениям), но будет ли такое понимание неверным, ошибочным? Безусловно, нет. Наоборот, в

ситуации личного общения новый смысл может быть легче «задавлен» старым, испытанным, проверенным принципом.

Не соглашаясь с авторами концепций, абсолютизирующих роль языка в истории культуры (Витгенштейн, Хайдеггер и др.), мы в то же время не можем преуменьшать его значения как средства коммуникации, как передатчика наших мыслей и чувств, особенно в книжном типе культуры. Именно язык выполняет функции модификации уже существующих смыслов и рождения новых. Первыми это свойство языка (трансформировать смысл) заметили поэты, отдающие приоритет форме выражения. Нобелевская лекция И. Бродского есть, по сути, трактат о языке. Размышляя над проблемой, почему поэты пишут стихи, Бродский отвергает и соображения материальной выгоды, и надежды на посмертную славу. «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее. Пишущий стихотворение пишет его потому, что стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта... Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом»⁶.

Подобная зависимость от языка свойственна не только пишущим стихи. Как влияет язык, на котором мы читаем и пишем, на наше восприятие действительности?

Прежде всего, язык не является просто инструментом, в котором воплощаются наши идеи, язык сам участвует в формировании наших идей, в анализе впечатлений, в создании программ и планов человеческой активности. Без развития языка не было бы возможно познание, ибо, познавая, человек расчленяет реальность в соответствии с категориями, структурирующими его сознание. Познание всегда начинается с выделения, а следовательно, и с называния. Назвать предмет или явление тем или иным словом — значит определить его. Восприятие мира преломляется через «материю» языка.

Говоря об активной роли языка, мы сталкиваемся с фактом его своеобразного «диктата». Мы можем попасть в ситуацию, когда слово заслоняет нам реальность. В нем, обладающем целым набором различных смыслов, каждый человек вычленяет лишь свой специфический вариант этого смысла и распространяет его на весь объем. Таким образом, слово модифицирует, искажает реальность в соответствии с культурными штампами и стереотипами. Складывается ситуация, в которой индивид выступает не столько сам по себе, сколько как носитель определенной культуры с ее системой ценностей и смыслов. Не «Я мыслю», а «Мной мыслят». Личность в данном случае оказывается лишь посредником, звеном в общей цепи компонентов культуры. Первоначально ориентированная на диалог в силу наличия внутренних степеней свободы, книжная культура модифицирует его в диалог культур, где роль отдельной личности сведена лишь к выражению истин той культуры, к которой она принадлежит.

Человек, однако, способен познавать реальность и вне какого-либо заранее предопределенного языка, а именно — наглядные, зрительные образы являются основой постижения человеком мира во всем его чувственном многообразии. Если чтение напечатанных текстов с линейно расположенной последовательностью знаков деформирует восприятие, то новые аудиовизуальные средства воспроизводят мир в его собственных измерениях, избавляя человека от «линейной» односторонности. Эта коррекция восприятия происходит потому, что аудиовизуальные средства усиливают не один какой-то канал передачи информации и орган ее приема, а всю систему в целом, и реальность снова предстает перед человеком во всей ее живой непосредственной конкретности, не будучи на этот раз выражена холодным искаженным языком абстрактных букв письменного кода⁷.

Новые аудиовизуальные средства массовой информации и коммуникации знаменуют собой формирование нового типа культуры — экранного, основным коммуникативным средством которого является не письменность, а экранность⁸. Эта культура основана не на линейном, т. е. вытянутом в строку, письме, а на системе экранных (плоскостных) изображений, которая вмещает в себя поведение и устную речь персонажей, анимационное моделирование, письменные тексты и многое другое. При этом основным признаком экранной культуры, качественно отличающим ее от книжной и приближающим к базовому типу — культуре личного общения, является динамический, ежесекундно меняющийся,

диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером. Это важнейшее свойство нового типа культуры детерминирует собой необходимость анализа интереснейших философских и культурологических проблем, в частности проблемы постоянной трансформации и принципиальной диалогичности аудиовизуальной культуры.

Таким образом, коммуникативный подход к анализу современной культуры способствует постановке ряда актуальных социально-философских проблем, связанных с существованием каждого типа культуры и их взаимодействием. Необходимо учесть, что зарождающаяся сегодня экранная культура при всех ее «болезнях роста» — явление, обладающее огромными возможностями и положительным потенциалом. По-видимому, мы уже в значительной степени исчерпали возможности книгопечатания как инструмента формирования духовного мира человека и стоим на пороге целого спектра грандиозных культурных инноваций.

¹ См.: Б и б л е р В. С. Культура // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 42.

² См.: Г р о м о в Г. Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации. М., 1984; О н ж е. Очерки информационной технологии. М., 1992; Е р ш о в А. П. Человек и машина. М., 1985; К н и г и н А. А., К н и г и н А. Н. Развитие интеллекта, нравственность и формирование новой инфосреды // Интеллектуальные инновации. Новосибирск, 1992.

³ См.: С о л о вьев Э. Ю. Коммуникация // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 270.

⁴ См.: Р а к и т о в А. И. Компьютерная революция и информатизация общества // Философские науки. 1988. № 5; О н ж е. Философия компьютерной революции. М., 1991.

⁵ П л а т о н. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 216—217.

⁶ Б р о д с к и й И. Стихотворения. Таллинн, 1991. С. 17—18.

⁷ См.: M c l u h a n M. The gutenberg galaxy. Toronto, 1962; О н ж е. Understanding media. New York, 1963.

⁸ См.: П р о х о р о в А. В., Р а з л о г о в К. Э., Р у з и н В. Д. Культура грядущего тысячелетия // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 18.